

Т.П. Буслакова

«Пророк» (1841)

Концепция поэтического творчества, обусловившая особенности образности стихотворения «Поэт», исчерпывающе отражена в произведении, одноименном с программным стихотворением Пушкина «Пророк» (1826). Повторяется и пушкинский размер (четырёхстопный ямба). Рассказ начинается с того момента, когда заканчивается действие у Пушкина:

С тех пор, как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка...

Однако его намерение следовать Божьей воле («Исполнишь волею моей...») разбивается о камень людского непонимания. «Глагол», обращенный к «ближним», для пророка Лермонтова должен быть наполнен правдой о внутреннем содержании людей, а в их очах видны только «злоба и порок». Напоминание об этом вызывает бешенство, стремление изгнать глупца из «шумного града»:

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня.

В отличие от пушкинского пророка, для которого после чудесного превращения пустыня наполняется «шумом и звоном» жизни, лирический герой Лермонтова готов «бежать» от людей, и пустыня для него становится обозначением крайнего одиночества. «Завет предвечного», к которому не хотят прислушаться «ближние», понятен для всей природы. Пророка слушают звезды, ему «покорна» «тварь... земная»: со всем мирозданием он находится в гармонии, сам уподобляясь «птице» («Как птицы, даром божьей пищи...») — евангельская аллюзия: «...не заботьтесь... что вам есть и что пить... Душа не больше ли пищи, и тело — одежды? Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут... и Отец ваш Небесный питает их». — Мф.:6; 25–26).

Благодаря евангельской ассоциации заостряется мысль о противоречии между законами общественной жизни и бытием вселенной. Люди не принимают пророческое слово, воплощающее завет любви и правды, и изгоняют избранника «Отца... Небесного», своей жизнью подтверждающего его истинность. Пророк у Лермонтова оказывается вовлеченным в романтический конфликт, приобретающий вселенский масштаб. Философским смыслом интерпретации пушкинского образа является утверждение несовместимости человеческого и божественного, «шумной» реальности и «чистого» слова, исходящего от того, кому внятна высшая правда.

Пророк — изгой среди людей («Он горд был, не ужился с нами...»). Как и все отличающееся от обычного, они встречают его «с улыбкою самолюбивой» (в «Поэте» — «осмеянный пророк»). Для всех («старцы детям» — обрисовка возрастных полюсов позволяет сделать обобщение) он «глупец», пытавшийся доказать истинность своих «учений» («хотел уверить нас»), ссылаясь на Бога («Что Бог гласит его устами!»). Главное же состоит в том, что он, не захотев занимать определенное место в общественной иерархии, остался «наг и беден», что вызывает общее презрение («как презирают все его!»).

Детально разработанная картина выявляет доминанту в настроении лирического героя. Он остро чувствует свою обреченность. Выбор в пользу «вечной» правды, добра и любви связан с одиночеством, непониманием, жизненным крахом, но ужиться с несовершенством людей, принять его он не может. Лермонтовский пророк оказывается полностью противоположным образу Пушкина, в котором подчеркнута стремление

одушевить слово внутренним огнем, обжигающим, трогающим сердца людей. У Лермонтова он пытается торопливо пробраться сквозь земную жизнь. Его «ученья», дар «всеведенья», «чистые» порывы остаются втуне. Он не в силах победить «злобу и порок», значительность его личности проявляется в том, чтобы остаться гордым, непобежденным среди враждебного мира:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»